

Михалев Георгий Иванович

СОВМЕЩЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРЕЗЕНТАЦИИ МНОГОЗНАЧНЫХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье анализируются особенности использования при создании толкового словаря двух разных методов изучения лексической системы русского языка: системно-структурного и функционального. На основе выделяемых автором регулярных типических дефиниций предпринимается попытка составления словарных статей, учитывающих и совмещающих системную организацию лексики с анализом функционирования изучаемых слов в письменных текстах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 131-135. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. Михайлова М. Ю. Семантика невыразимого и смежные явления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара: СНЦ РАН, 2015. Т. 17. № 1 (4). С. 963-966.
17. Пушкин А. С. Домовому [Электронный ресурс]. URL: http://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0217_22/1819/0047.htm (дата обращения: 17.06.2016).
18. Рубцов Н. Зеленые цветы [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/rubcov/svetleet-grust-kogda.aspx> (дата обращения: 27.06.2016).
19. Сент-Экзюпери А. Маленький принц [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/EKZUPERY/mprinc.txt> (дата обращения: 27.06.2016).
20. Столяров А. Сад и канал [Электронный ресурс]. URL: http://tallinn.cold-time.com/texts/BOOKS/STOLQROW/gard_can.txt.htm (дата обращения: 27.06.2016).
21. Сырица Г. С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект. М.: Флинта, 2014. 160 с.
22. Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: МГУ, 2009. С. 294-295.
23. Тютчев Ф. Silentium! // Тютчев Ф. Проблеск: стихотворения. СПб.: Амфора; М.: Комсомольская правда, 2012.
24. Фет А. Как мошки зарею... [Электронный ресурс]. URL: <http://scanpoetry.ru/poetry/5541> (дата обращения: 22.06.2016).
25. Цветаева М. Куст // Цветаева М. Долг повелевает – петь: стихотворения и поэмы (1908-1941) / изд. подготовлено Л. А. Мнухиным. М.: Вагриус, 2005. С. 387-388.
26. Kita M. Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyraźanego i niewyraźonego // Stylistyka XI. 2002. Opole, 2002. S. 101-119.
27. Mikhailova M. Y. Representation of Semantics of Inexpressible in Different Languages // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 3 (3). P. 19-21.

SEMANTICS OF THE INEXPRESSIBLE: NARROW AND BROAD UNDERSTANDING

Mikhailova Marina Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Samara State University of Social Sciences and Education
Marinamikhailova44@gmail.com

In the article the author presents the review of narrow and broad understanding of the functional-semantic category of the inexpressible, identifies the grounds of narrow and broad approaches and singles out the criteria, by which linguistic phenomena are referred to as representatives of the inexpressible. The notions of the inexpressible, on the one hand, and lie, silence, failure to mention, on the other, are compared. Correlation between the concepts of euphemisms and the meaning of the inexpressible is identified and the participation of tropes as figures of speech as well as phraseological units in the representation of the meaning of the inexpressible is shown. In the aspect of the characteristic of the broad approach the comparison of the semantics of the inexpressible with the similar semantics of the incomprehensible and the invisible is carried out.

Key words and phrases: functional-semantic category; euphemisms; tropes; silence; failure to mention; cluster existence; semantics of the inexpressible, the invisible and the incomprehensible.

УДК 8; 1751

В статье анализируются особенности использования при создании толкового словаря двух разных методов изучения лексической системы русского языка: системно-структурного и функционального. На основе выделяемых автором регулярных типических дефиниций предпринимается попытка составления словарных статей, учитывающих и совмещающих системную организацию лексики с анализом функционирования изучаемых слов в письменных текстах.

Ключевые слова и фразы: лексическое значение; семантическая структура; относительные прилагательные; словарная статья; системно-структурный и функциональный методы исследования.

Михалев Георгий Иванович, к. филол. н.

Московский государственный университет путей сообщения императора Николая II (МИИТ)
georgy.mihaliov@yandex.ru

СОВМЕЩЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРЕЗЕНТАЦИИ МНОГОЗНАЧНЫХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Связь между различными предметами исследования (слово в словаре и слово в письменном тексте, словарная статья в толковом словаре как статическое отражение устройства существенной части лексической системы и функциональные характеристики слова, проявляющиеся и существующие только в процессе как устной, так и письменной коммуникации) в лингвистической теории находит свое противоречивое воплощение в практической лексикографии. Суть этого противоречия заключается в необходимости совместить на страницах словаря два разных подхода к изучению и описанию лексической системы: системно-структурный и функциональный.

С позиций системно-структурного метода лексикографического описания большинства относительных прилагательных выглядит так (для наглядности семантической типологии рассмотрим несколько слов, принадлежащих к лексико-семантической группе «Животные»):

«**БЕЛИЧИЙ**» [в сл. под ред. Д.Н. Ушакова отсутствует]; «**ВОЛЧИЙ**, бя, ье. *Прил. к волк. В. след. С волками жить по-волчьи выть.* Пословица. ◊ **Волчий аппетит** (разг.) – очень сильный аппетит» [10, с. 100]; «**ЗАЯЧИЙ**» [в сл. под ред. Д.Н. Ушакова отсутствует]; «**ЛИСИЙ**, бя, ье. *Прил. к лиса. Л. мех. Лисьи ухватки*» [Там же, с. 330].

Исходя из такого описания лексического значения указанных прилагательных, мы видим, что большинство из них предстают как слова однозначные. Помета «*Прил. к*» в данном случае отражает не семантику интересующего нас слова, а деривационную мотивированность его значения производящей семантической структурой имени существительного.

В Большом академическом словаре (17 т.) прилагательное *беличий* собственной словарной статьи также не имеет, но в рамках словарной статьи существительного *белка* без цифровой индексации отмечены следующие значения: «Относящийся к белке, принадлежащий ей» (*беличья шкурка, беличи дупла*); «Подбитые или покрытые мехом белки» (Б е л и ч ь я шуба, б е л и ч и й салоп); «Свойственный белке» «Тон ее [княгини] уже был ворчливый, губка поднялась, придавая лицу не радостное, а зверское, беличье выражение». Л. Толстой, *Война и мир*, т. 1, ч. 1, гл. 6. *Зоол.* Б е л и ч ь и, мн. – название семейства млекопитающих из отряда грызунов. ◊ Б е л и ч и й мех – мех из шкурки белки [7, с. 371-372].

Внимание к функциональности лексических единиц в области семантики прилагательного позволило выявить тот факт, что «в современном русском языке идет острый двусторонний процесс. С одной стороны, развитие категории качественности приводит к постоянному появлению качественных значений (устойчивых и окказиональных, контекстных) у многих производных прилагательных. С другой стороны, потребности создания устойчивых номинаций, тенденции к локализации речи постоянно стимулируют образование и употребление “чисто относительных” прилагательных, назначение которых – передавать атрибутивно разные виды отношения к предмету» [2, с. 18].

Отсюда вытекает особенность относительных прилагательных, состоящая в том, что они **вне контекста не имеют четко очерченного лексического значения** (*лисьи ухватки*).

Только в контексте слово может реализовать в полном объеме весь свой богатый семантический потенциал: от основного значения, на базе которого развиваются второстепенные прямые и переносные метафорические значения, отражая подвижный характер семантической структуры многозначного слова, до устойчивых словосочетаний, в которых появившийся новый смысл «застывает» в качестве самостоятельного языкового элемента.

Анализ практического материала (выборка необходимых контекстов из Национального корпуса русского языка [4]) позволяет выделить устойчивые, повторяющиеся для прилагательных лексико-семантической группы «Животные», типичные значения: 1. «Сшитый из выделанной шкуры...» – *заячий, овечий, волчий, норковый, беличий, песцовый, лисий, ондатровый, бобровый* и т. д. – *тулуп, доха, шуба, шапка, воротник* и т. д. – *Вчера решил, что лисья шуба – это слишком* (Галина Щербакова. Реалисты и жлобы. 1997) [Там же]; 2. «Являющийся частью...» – *Там была изображена коричневая лошадиная голова и черными буквами по голубому фону выведено: «Овес и сено»* (Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок. 1931) [Там же]; 3. «Состоящий из...» – *волчья, птичья стая; лошадиный табун; гусиное, коровье стадо; овечья отара; рыбий косяк, журавлиный клин* и т. д. *Все радостно повскакали, брэнча орденами, как коровье стадо колокольчиками* (Ю. М. Нагибин. Моя золотая теща. 1994) [Там же]; 4. «Приготовленный из мяса...» – *И думал я: опять улица, холод, клопы в ночлежках, конская колбаса, грязь, гадость* (А. И. Куприн. С улицы. 1904) [Там же]; 5. «Издаваемый...» – *Слышны соловьиные трели, они все тише и тише...* (Василий Катанян. Лиля Брик. Жизнь. 1999) [Там же]; 6. «Оставляемый... на земле или снегу» – *Сюда пойдем, – перебил его старик, – вчера тут олений след видал* (Л. Н. Толстой. Казаки. 1863) [Там же]; 7. «Приспособленный, используемый... для жилья и вывода потомства» – *Так, может, это лисья нора? – Я лисий след знаю, у нее совсем не такой – мелкий, цепочкой и как у собаки...* (Николай Дубов. На краю земли. 1950) [Там же]; 8. «Являющийся испражнениями...» – *Пройдя шагов двадцать и спускаясь книзу, они пришли в чащу, к разлапистой груше, под которой земля была черна и оставался свежий звериный помет* (Л. Н. Толстой. Казаки. 1863) [Там же].

Это значения прилагательных относительных. Поскольку «*заячьи уши*» зайцу не принадлежат, а всего лишь являются его частью, а «*волчья нора*» – это не его «частная собственность», то понятийно-бытовое понимание притяжательности более подходит другой лексико-семантической группе – «человек» (*вдовий, материн, отцов*, и т. д.). Но и здесь все не так просто. «*Отцовский*» – это: «принадлежащий отцу», «построенный отцом», «унаследованный от отца», «напутственный, нравоучительный» и т. д. Таким образом, демаркационная линия между прилагательными притяжательными, качественными и относительными часто проходит внутри семантической структуры многозначных слов.

Процесс изменения семантики прилагательного, исторически развившегося из имени существительного и определяющего предметные слова, был отмечен еще А. М. Пешковским, который, анализируя значение относительных прилагательных, отмечал, что «...потенциально во всех них хранится оттенок качественности» [5, с. 101].

Среди лексических значений относительных прилагательных рассматриваемой лексико-семантической группы устойчиво выделяются качественные значения, отражающие образное метафорическое сравнение:

9. **Перен.** «Такой, как у..., похожий на... по внешнему виду; ...по размеру, силе, способу движения, скорости и т. д.» – *Это был человек маленький, как подросток, с горящими совиными глазами и очень диким нравом* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3). 1989) [4];

10. Перен. «Очень внимательный, зоркий» – *Он не спешил, старательно вспоминая не только слова, но и тон, каким они были сказаны, и пристальный рысий взгляд новгородского князя* (Борис Васильев. Вещий Олег. 1996) [Там же].

Употребляя притяжательные прилагательные в переносном значении, человек начинает присваивать себе качества, которых у животных на самом деле нет, но которыми он их наделяет. Происходит как бы двойная метафоризация: *волчий аппетит, куриные мозги, лебединая верность, заячья душонка, ослиное упрямство* и т.д. Застывает эта качественная семантика не только во фразеологических сочетаниях, но и в медицинских терминах: *слоновья болезнь, заячья губа, волчья пасть* и т.п. В словаре такие сочетания даются под особым знаком в конце словарной статьи.

Развитие качественности относительными прилагательными неоднократно являлось предметом пристального внимания лингвистов, по-разному выражающих «коммуникативные» претензии к традиционной классификации прилагательных. От простой констатации размытости границ существующего деления до указания на то, что она не отражает особенностей лексического значения большого класса слов. В. В. Виноградов, проводя черту между качественными и относительными прилагательными, указывал, что «она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [1, с. 175].

Таким образом, многозначные относительные прилагательные «не вписываются» в данную классификацию, что проявляется в выделении некоторыми исследователями промежуточных разрядов качественно-относительных и относительно-притяжательных прилагательных. Однако терминологическая двойственность не снимает теоретической проблемы, а еще больше запутывает ее, ибо ни у кого не вызывает сомнения, что если слово в результате тех или иных процессов меняет свое значение, то это уже не есть именно то слово, которое подвергается анализу изначально.

Есть другой поворот теоретической мысли, согласно которому прилагательное, меняя свою семантику, в силу единства лексического и грамматического значений переходит из одного разряда в другой. В теоретической и практической лексикографии это оформляется в проблему тождества слова [6, с. 53-72], актуализирующую внимание исследователя на выделении семантических границ слова, поскольку известно, что многозначность подтверждается только контекстом и что в словаре многозначность может быть выражена путем манифестации различных возможных окружений того или иного слова. Другими словами, контекст является единственным «материализованным» доказательством меняющейся семантики, которая, чаще всего не сопровождается благодаря консервативности морфологической системы другими грамматическими признаками.

Итак, если встать на позицию функционирования языковой единицы, то выражение «относительное прилагательное в качественном значении» есть абсурд. В подтверждение этой противоречивой мысли можно привести известные рассуждения А. А. Потебни и Л. В. Щербы о сущности омонимии и ее связи с полисемией [Там же, с. 11, 16, 78]. Критика этих положений, поскольку в них отрицается как таковое явление полисемии, осуществляется с позиций системности языка, что является следствием того же противоречия: одно и то же явление рассматривается с разных сторон [11, с. 78].

Явление полисемии интересует цитируемых авторов с позиции коммуникативной функции языка, как продукт и средство речевой деятельности человека, что является предметом сегодняшней психолингвистики и когнитивных исследований, справедливо снимающих критику, направляемую в их адрес традиционной грамматикой.

«В обычных словарях, – отмечает Л. В. Щерба, – отражается только “языковая система” данного языка. Но эта система целиком покоится, как было сказано выше, на “языковом материале”, а “языковой материал” есть не что иное, как объективированная “речевая деятельность” данного коллектива...» [Там же, с. 74]. Эту же мысль подчеркивает и развивает В. В. Степанова: «Слово в речи, закрепленной текстом, это не только и, пожалуй, не столько минимальная ступень лингвистической абстракции, сколько качественно иное его состояние, вызывающее особое его восприятие» [9, с. 109].

Противоречие между системностью и функциональностью в словаре отражает это же противоречие в теоретических изысканиях: одно и то же слово не может быть одновременно качественным и относительным прилагательным как элемент речи, но как элемент языковой системы может иметь несколько возможных (хотя и не обязательных) грамматических характеристик, позволяющих говорить о полисемии анализируемых слов.

Думается, что реальный шаг на пути к созданию непротиворечивой классификации может быть сделан через признание, т.е. выделение и последующее обоснование, нескольких классификаций, отражающих «...формальные, семантические и функциональные границы слова в тексте» [Там же]. Классификация исследуемого материала может строиться как на системно-структурной, так и на функциональной основе. В первом случае классифицируются слова в их целом, во втором – значения слов в их отдельности, в их признаках, устанавливаемых по условиям их семантической реализации. Эти классификационные признаки в общей грамматике и практической лексикографии часто учитываются с разных позиций, но с одной целью – представить адекватное лингвистическое описание окружающей нас действительности. Именно эта цель позволяет сосуществовать на страницах толкового словаря двум разным методам лингвистических исследований: системно-структурному и функциональному.

Используя типологию выделяемых лексических значений относительных прилагательных, где максимально подробно учитываются синтагматические связи прилагательных с определяемым именем (на уровне лексической сочетаемости), словарные статьи интересующих нас слов можно представить следующим образом:

ВОЛЧИЙ, ья, ье. 1. Являющийся выделанной шкурой волка. *Волчий мех был свежий, неистертый, и пахло от него полынной степью при луне, вольным воровским простором* (Леонид Юзефович. Дом свиданий. 2001) [4]. 2. Сшитый из выделанных шкур волка. *Волчья шуба облекала его, и струйка холода ударила в меня* (М. А. Булгаков. Вьюга. 1926) [Там же]. 3. Являющийся частью волка. *Ясни, ясни, на небе звезды, мерзны, мерзны, волчий хвост!* (Саша Соколов. Школа для дураков. 1976) [Там же]. *После двух ударов волчья голова поникла, глаза закрылись* (Я. Михайлов. Облава (рассказ охотника) // «Огонек». 1952. № 5) [Там же]. 4. Оставляемый волком на снегу или мягкой земле. *Из дальней дали вьется волчий след, переплетаясь с человеческим* (В. Варламов. Мир не становится проще // Знание – сила. 1987) [Там же]. 5. Состоящий из маленьких волчат. *Местные охотники провели, что большой волчий выводок жил где-то на Сухой речке* (М. М. Пришвин. Кладовая солнца. 1945) [Там же]. 6. Состоящий из взрослых волков. *Так над тушей заваляленного, но еще живого оленя пирует изголодавшаяся волчья стая, когда волки выдирают из тела куски еще трепыхающегося мяса и рвут их друг у друга из зубов* (Алексей Иванов. Сердце Пармы. 2000) [Там же]. 7. Издаваемый волком. *Из чащи раздался жуткий волчий вой, от которого застывала кровь в жилах* (Казацкий спецназ. 2004 // Солдат удачи. 2004. 10 июня) [Там же]. 8. **Перен.** Недружелюбный, злой. *Постепенно и исподволь накаляет он атмосферу, и вот на скромном лице его вы замечаете уже не улыбку, а волчий оскал*. (Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. 1976) [Там же]. 9. Предназначенный для добычи волка. *А вы попробуйте достать в Москве волчий капкан* (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Берегись автомобиля. 1966) [Там же]. ♦ **Волчий аппетит** (разг.) – очень сильный аппетит. *Лучшие кулинары всего света потрудились, чтобы у каждого при взгляде на нее возникал волчий аппетит*. (Михаил Анчаров. Самшитовый лес. 1979) [Там же]. ♦ **Волчья пасть** – врожденный излечимый дефект, представляющий собой разрыв или расщелину между тканями мягкого и твердого неба в средней его части.

ЗА'ЯЧИЙ, ья, ье. 1. Сшитый из выделанных шкур зайца. *Гринева дарит Пугачеву заячий тулуп... – наконец, «Шинель» – не поймешь, не истолкуешь его – гений!..* (Андрей Битов. Пальма первенства. 1978) [Там же]. 2. Являющийся частью зайца. *Было видно, как ветер шевелит шерсть на спине и как вздрагивают заячьи уши* (Олег Куваев. Территория. 1970-1975) [Там же]. 3. Оставляемый зайцем на снегу или мягкой земле. *Мы поспешили домой обратно по своей утренней дорожке и увидели на ней свежий заячий след* (М. М. Пришвин. Лесная капля. 1943) [Там же]. 4. Состоящий из маленьких зайчат. *Есть еще заячий помет, который в губерниях поюжнее называется опытникой, то есть зайчата, родящиеся тогда, когда поспеет трава сныть, вероятно в апреле месяце* (С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. 1852) [Там же]. 5. Являющийся частью зайца, используемой для приготовления пищи. *После первой оттепели заячье мясо невкусно, а птицу об эту пору перестают бить: ждут кладки* (К. А. Федин. Анна Тимофеевна. 1921-1922) [Там же]. 6. Издаваемый зайцем в момент опасности. *И Тургенев записал после: «Я читал эти показания и все время слышал в них заячий крик, который так знаком нам, охотникам...»* (Эдвард Радзинский. Наш Декамерон. 1980-1990) [Там же]. 7. **Перен.** Боязливый, трусливый. *Антониды Ивановна слишком хорошо знала заячью натуру своего мужа и поэтому сомнительно покачала головой* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. (1883)) [Там же]. 8. Имеющий целью добычу зайца. *...А гордые владельцы преданы воинственному упражнению заячьей охоты* (А. С. Пушкин. История села Горюхина. 1996) [Там же]. ♦ **Заячья губа**. Разрыв, расщелина в средней части неба, возникающая вследствие незаращения двух половин неба в период эмбрионального развития. *Заячья губа, слабоумие, сниженные интеллекта – все это может быть спровоцировано дефицитом йода* (Кузнецова Елена. БАЛАНС ЭЛЕМЕНТОВ // Труд-7, 2008. 27 ноября) [4].

Написанные нами словарные статьи относительных прилагательных *волчий* и *заячий* можно рассматривать как практическую реализацию теоретических положений и выводов, согласно которым:

- анализ системных отношений в лексике (парадигматических, на уровне рассмотрения семантики слов, принадлежащих к тем или иным лексико-семантическим группам, и синтагматических, на уровне анализа лексической сочетаемости исследуемых прилагательных) может проводиться в целях практической лексикографии двумя способами: системно-структурным, выявляющем семный набор вторичной номинации и его мотивированность производящим именем, и функциональным, вскрывающим особенности лексического значения относительных прилагательных в конкретных контекстах;
- совмещение двух разных подходов к изучению лексики, взаимно дополняющих друг друга на страницах словаря, оправдывается общностью цели – адекватное отражение окружающей нас действительности;
- результатом такого анализа является составление типических значений относительных прилагательных («Состоящий из...», «Сделанный из...» и т.д.), которыми мы предлагаем заменить малоинформативную для пользователя толкового словаря лексикографическую помету «Прил. к сущ.».

Список литературы

1. **Виноградов В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд-е 3-е, исправленное. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
2. **Земская Е. А.** История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1965. 28 с.
3. **Козырев В. А.** Тождество слова как проблема диалектной лексикографии // Диалектное слово в лексикографическом аспекте: межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. С. 3-17.
4. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorp.org.ru/search-main.html (02.05.2016).
5. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз., 1928. 451 с.

6. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике: в 2-х т. М.: Гос. уч. пед. изд-во Мин. прос. РСФСР, 1958. Т. I-II. 536 с.
7. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965. Т. 1. А-Б. 788 с.
8. **Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.** Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 231 с.
9. **Степанова В. В.** Границы слова в тексте // Проблемы лексико-синтаксической координации: межвуз. сб. науч. тр.. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. С. 107-116.
10. **Толковый словарь русского языка:** ок. 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 910 с.
11. **Щерба Л. В.** Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. Т. 1. С. 54-91.

**COMBINATION OF SYSTEM AND FUNCTIONALITY IN EXPLANATORY DICTIONARY
(BY THE EXAMPLE OF ANALYSING PRESENTATION
OF POLYSEMANTIC RELATIVE ADJECTIVES OF THE RUSSIAN LANGUAGE)**

Mikhalev Georgii Ivanovich, Ph. D. in Philology
Moscow State University of Railway Engineering (MIIT)
georgy.mihaliov@yandex.ru

The article analyzes the peculiarities of using two different methods of studying the lexical system of the Russian language while creating an explanatory dictionary: systemic-structural and functional ones. Basing on regular typical definitions singled out by the author an attempt is undertaken to make up dictionary entries taking into account and combining the systemic organization of vocabulary with the analysis of functioning of the examined words in written texts.

Key words and phrases: lexical meaning; semantic structure; relative adjectives; dictionary entry; systemic-structural and functional research methods.

УДК 801.82

Статья описывает семантические процедуры выведения эксплицитных макропропозиций, которые организованы в макроструктуры и подвергаются изучению как самостоятельное лингвистическое явление. Материалом исследования послужили художественные тексты: повесть английского писателя Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» и роман Ж. Верна «Таинственный остров». Роман привлекался большей частью для сопоставления и верификации данных, полученных на материале повести. В статье использован перевод повести М. Донского и Э. Линецкой и романа – Н. Немчиновой, А. Худадовой.

Ключевые слова и фразы: дискурс; эксплицитные макроструктуры; макропропозиции; ретроспективный эпизод; исторический экскурс; основное повествование.

Оганесова Изабелла Сергеевна, к. филол. н.
Кубанский государственный университет (филиал) в г. Армавире
donnaizabella@rambler.ru

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ ВЫВЕДЕНИЯ
ЭКСПЛИЦИТНЫХ МАКРОСТРУКТУР ДИСКУРСА**

Обращение к эксплицитным макропропозициям, организованным усилиями автора в эксплицитные макроструктуры, предоставляет относительно редкую возможность проследить, на каких семантических и референциальных основаниях осуществляется выведение макроструктур дискурса, а также их организация в макроструктуры.

Целью исследования является выявление закономерностей структурно-семантического соотношения эксплицитной макропропозиции и соответствующего ей сегмента текста (на материале повести и романа), и это позволяет нам выяснить, на каких общих принципах строится выведение этой макропропозиции. Объектом исследования являются эксплицитные макропропозиции, организованные в макроструктуры дискурса, отображающие тематическое членение композиционной единицы (главы) художественного текста.

Если анализируя текст, мы можем говорить о рассказчике – участнике описываемых событий, от лица которого ведется повествование [4], то анализируя макроструктуры, как представляется, мы должны говорить только об авторе текста, поскольку эксплицитные макроструктуры, вынесенные в препозицию перед каждой главой, есть специфический компонент художественного текста, своего рода семантическая схема главы, совершенно не свойственная повествованию рассказчика.

Текст в соответствии с эксплицитными макропропозициями в большинстве случаев четко делится на сегменты, состав которых весьма близок к составу элементов контекстно-вариативного членения текста [2]. Таким образом, сегменты, из которых выведены макропропозиции, содержат основное повествование (сюжет повести) и/или ретроспективные эпизоды и исторические экскурсы.

Сегменты основного повествования и ретроспективного эпизода изоморфны и могут представлять собой либо повествование о событии, включающее слова автора, описание (в подавляющем большинстве –